А. М. Ранчин

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В «ЗАПИСКЕ О ЖИЗНИ ИВАНА НЕРОНОВА»

Так называемая «Записка о жизни Ивана Неронова» — памятник древнерусской книжности второй половины XVII в. Ее предполагаемый составитель — игумен московского Златоустовского монастыря Феоктист, создавший этот текст на основе устных рассказов Неронова. Как полагает Н. С. Демкова, к составлению «Записки», возможно, причастен сам Иван Неронов: «в тексте часто встречаются формы повествования от первого лица» [1]. «Записка» дважды издавалась исследователями [2] и неоднократно использовалась как документ по истории раннего старообрядчества и как один из основных источников биографических сведений об Иване (в монашестве Григории) Неронове — влиятельном учителе старообрядчества и противнике церковной реформы патриарха Никона, позднее примирившемся с Никоном и господствующей Церковью на условиях, подобных тем, что были позднее приняты единоверцами. («Записка» охватывает события жизни Неронова начиная со ссылки в Спасо-Каменный монастырь в августе 1653 г. и заканчивая январем 1659 г.) Как памятник книжности «Записка» совершенно не исследована; неясна и история текста этого произведения, и прежде всего — ее соотношение с «Житием» Ивана Неронова [3]. В данной статье я не ставлю задачей решение этого текстологического вопроса, ограничиваясь лишь некоторыми наблюдениями, относящимися к поэтике «Записки» и свидетельствующими о нетривиальном сочетании в ней традиционных и новаторских для древнерусской книжности черт. Эта особенность «Записки» объяснима как временем ее возникновения (XVII столетие в истории русской словесности, как хорошо известно, — эпоха, характеризующаяся сложным и порой парадоксальным соединением нового и старого), так и духовным контекстом памятника (соединение, порой совершенно неожиданное, нового и старого свойственно ста-

рообрядческой книжности раннего времени, и сочинения протопопа Аввакума или автобиографическое «Житие» инока Епифания — лишь наиболее известные примеры такого рода).

Выбор отрезка жизни Ивана Неронова в «Записке» определяется ее установкой: этот текст представляет собой как бы своеобразную «заготовку» к житию Неронова, при этом жизнь Неронова рассматривается как подвиг во имя исповедания истинной веры, т. е. как деяния исповедника. Соответственно, хронологические границы повествования — от ссылки Неронова Никоном («Лѣта 7161 (1653) августа в 4 день, при патриархѣ Никоне <...> протопоп Иоаннъ Нероновъ сосланъ был в сылку от патриарха Никона, за Вологду, въ Каменской монастырь» [1]) до примирения с Никоном, дозволившим Неронову служить по книгам старой печати, и встречи с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Крутицким Питиримом, которому Неронов поведал о бывшем ему чудесном видении, в котором сам Господь Иисус Христос открыл бывшему Казанскому протопопу, а ныне иноку Григорию, что дарует ему благодать как поборнику святой веры и благословляет служить в пустыни, где Григорий подвизался, литургию по старым книгам. И согласие Никона разрешить Григорию служение по старым книгам, и готовность московского протопопа послушать инока и не «четверить» аллилуйю при богослужении «въ соборной церкви на крылосахъ» (с. 349) истолковываются в «Записке» как победа Неронова. Возможно, для составителя «Записки» существен и уход Никона с патриаршего престола, пришедшийся именно на 1658 г. — год бесед с Нероновым, обличавшим «новизны» Никона. (На самом деле, оставление Никоном патриаршего престола никак не было связано с неприятием старообрядцами проведенных им реформ, но книжник мог предполагать именно такую читательскую трактовку событий.) Царю Алексею Михайловичу Неронов так говорит о Никоне: «Доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣть такову Божию врагу? Смутилъ всею Рускою землею и твою царьскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать, — отъ него, врага, всѣмъ страх!» (с. 347). Отказ царя разрешить Никону, в 1658 г. удалившемуся из Москвы и оставившему патриарший престол, предстает в «Записке» словно бы как следствие и исполнение призыва из речи Неронова, в которой старец Григорий обличает Никона, в том числе и за властолюбивое притязание на роль государя.

Повествование о борьбе Неронова за «старую веру» открывается перечислением посланий Ивана в защиту церковной старины, адресованных царю Алексею Михайловичу (два письма), его духов-

нику Стефану Вонифатьеву (четыре письма) и царице Марье Ильиничне. При этом неизменно отмечается, что письма составлены «плача», «со слезами», что это «плачевное моление»; отмечен и пророческий пафос Неронова, который составлял их, «извѣстно же творя, яко и гнѣвъ Божий грядет неуправления ради церкви; приписавъ же и своею рукою къ посланию, приводя во свидѣтельство божественное Писание», «ясно сказуя быти хотящий гнѣвъ от Бога всей Росии за прѣзрение вопля того и за еже оскорбляемымъ быти Божиимъ рабомъ, проповѣдающим истинну и просящим церкви мира» (с. 337–338).

И экзальтация («слезность»), и пророческое обличающее рвение Неронова – черты, отличительные для изображения эмоционального состояния и поведения поборников «старой веры» в старообрядческой книжности. Наиболее выразительный пример – это, конечно же, «Житие» и послания протопопа Аввакума, который был учеником Неронова.

В изложении содержания посланий Неронова местоимение третьего лица («онъ»), обозначающего адресанта-автора, однажды заменяется формой первого лица («я»): «Того же лѣта, майя во 2 день, и къ государони царице и великой княгине Марье Ильиничьне писал я со слезами, прося церкви мира <...>» (с. 337). Употребление местоимения первого лица вместо требуемого нарративной поэтикой местоимения третьего лица может объясняться не только влиянием устных рассказов самого Ивана Неронова на составителя «Записки», но и стремлением сохранить в тексте «Записки» присутствие пишущего обличительное письмо. Показательно, что в большинстве случаев перфектные глагольные формы на «-л», характеризующие писание Нероновым обличительных посланий, даются без обозначения субъекта действия: «писалъ» (с. 337), а не «я писалъ» или «онъ писалъ». Так как в глагольной форме прошедшего времени (собственно, в церковнославянском языке – в форме перфекта) нет различения по грамматической категории лица, наводняющие начало «Записки» глаголы «писалъ» могут интерпретироваться и как «я писалъ», и как «онъ писалъ».

Центральный эпизод повествования о пребывании Неронова в ссылке – самовольный уход из Кандалакшского монастыря вместе с тремя духовными детьми и чудесное спасение во время бури на Белом море. Для описания шторма характерны новые в сравнении с агиографической традицией черты – детализация изображения (положение карбаса), поэтика конкретного (неспособность Неронова и его духовных детей спустить парус) и гиперболизация

(размеры волн), передающая страх застигнутых бурей: «И внезапу бысть буря велия, волнамъ убо восходящимъ на высоту, аки превеликимъ горамъ, и кождо ихъ с воплемъ к Богу взываху <...> Буря же преизлиха начать стужати, и карбасъ вмалѣ не опровержеся, зане от страха содержащаго не можаху паруса спустити, и карбасъ на боку волнами носимъ; тѣма же на другую страну от вѣтра нападьшимъ и держащимся за край карбаса, волны же, яко превелие горы, зѣло на высоту восхождаху, мнѣти тѣмъ, яко на облакъ подъять ихъ; егда же схождаху долу, мняху, яко покрыти ихъ имать волнами море; и не надѣяхуся кождо ихъ жити <...> в то время работники Ивановы и дѣти духовныя учали межъ собою прекословить, Ивану досаждать: “Кто, де, въ такомъ карбасѣ по морю ѣздить, а се, де, и снасти никакой нѣть!”» (с. 338).

Достаточно сравнить это описание с изображением случаев чудесного спасения на море, представленных в «Житии Зосимы и Савватия Соловецких» (одном из наиболее читаемых древнерусских житий, содержащем, кажется, наибольшее число таких чудес), чтобы увидеть нетрафаретность изображения бури в «Записке» [5]. И установка на поэтику конкретного, и грандиозность изображения роднит это описание с другими памятниками раннестарообрядческой книжности, прежде всего с автобиографическими «Житиями» Аввакума и Епифания.

Сквозной мотив «Записки» — скитания Неронова, преследуемого за веру: он бежит из Кандалакшского монастыря, тщетно преследуемый «гнавшими» за ним; затем странствует из монастыря в монастырь и наконец скрывается в Игнатьевой пустыни. «Никонъ же патриархъ не остави ни града, ни веси, в ней же не положи заповѣди, ища Иоанна: но Богъ, своея ради благодати, своими ему рабы, крыяще того, зане простии людие зѣло любляху Иоанна, яко проповѣдника истиннѣ, и пред цари не стыдящеся, по пророку, и много истиннѣ страждуща, — страдальца и мученика того нарицаху.

Никонъ же много клопоть воздвиже, — нѣоткуду вѣсть приидеть, яко въ пустыни Григорий, — пославъ своихъ ему дѣтей боярских с великимъ прещениемъ, и тамо сущия мнихи оскорби, и разосла въ сылку, окрестнымъ же иереомъ и людином многу бѣду сотвори» (с. 341).

При встрече с Нероновым патриарх «скоро на степень уступилъ, глаголя: “Бѣгунъ!” И старец рече: “Недивися, святитель! Христосъ, учитель нашъ, бѣгалъ, и ученицы его, и мнози от отецъ. Азъ ли надъ тѣми честнѣйший, и кто есмь?” И благословляя патриархъ старца, рече: “И бѣгаеть, и является!”» (с. 348).

Неронов прямо ссылается на примеры Христа, апостолов и преподобных, обозначая прецеденты-образцы своего поведения. Явное или скрытое уподобление гонимого героя Христу и святым традиционно для агиографии. Но неожиданно, что такое сопоставление, пусть и имеющее ограниченный характер, вложено в уста лица, о котором ведется повествование, а не принадлежит агиографу: тем самым если и не происходит впадение в грех гордыни, то, по крайней мере, не выражается смирение Неронова. Показательно и то, что Неронов ссылается одновременно и на пример Христа, и на пример апостолов, и на пример преподобных, а также святителей («отцов»). В агиографической традиции Христос, принявший смерть на кресте, рассматривался как образец и прообраз для мучеников, апостолы — как прообраз для миссионеров, преподобные следовали ангельскому прообразу [6]. Неронов одновременно ссылается на несколько образцов, чинов святости. И действительно, в «Записке» Неронов скрыто уподоблен и Христу — как мученик, и апостолам — как поборник и проповедник истинной веры, и преподобным — как праведный и благочестивый инок.

Скитания Неронова, очевидно, рассматриваются составителем «Записки» как реализация речений из Нагорной проповеди: «Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5: 10–12). В сопоставлении с речениями из Нагорной проповеди и «слезность» Неронова и других учителей старообрядчества воспринимается как соответствие речению из той же проповеди: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5: 4), а не просто как житийный топос смирения или как психологическая характеристика.

Соотнесенность поборника «старой веры» с Христом или апостолами присутствует и в других памятниках раннестарообрядческой книжности. Особенно отчетлива она у Аввакума, прежде всего в его «Житии», и проявляется, в частности, в цитатах из Евангелия, влагаемых в уста составителя «Жития» и его гонителей [7].

В «Записке» соотнесенность Неронова с Христом и апостолами не заявлена столь радикально и откровенно, как у Аввакума. В частности, в отличие от Аввакумова «Жития», полного аллюзий на эпизоды осуждения Христа на распятие, в «Записке» есть лишь одна явная аллюзия: Неронов, несправедливо подозревая боярина

Ртищева в доносительстве патриарху Никону, «свирѣпо к нему рекь: “Июдо, предавай! <...>”» (с. 348).

Зато в «Записке» очень много отсылок к житийной топике. Житийный топос – уподобление ангелу: «яко Божия ангела держаху» Ивана его приверженцы, не боясь гнева Никона (с. 341). Это «общее место» преподобнической агиографии восходит к переводному «Житию Саввы Освященного», составленному Кириллом Скифопольским; из русских агиографов его первым применил Нестор в «Житии Феодосия Печерского» [8].

О примерах из житий святого Афанасия Александрийского и Афанасия Афонского напоминает старцу Григорию в видении Христос, веля старцу служить литургию: «И паки Господь рече: “Афанасий жидовских при мори дѣтей крести, еще младенец, а моя благодать ему споспѣшествовала; а Афанасий Афонский, младенец же, от дѣтей игуменом поставленъ, и самъ прочихъ дѣтей в попы и дияконы поставляше, и с ними служаше”» (с. 349–350). Очевидно, составителя «Записки» столь занимал поиск житийных прообразов, что он подбирал даже не очень уместные примеры: детские игры, в которых Авраамия (будущего святого Афанасия Афонского) избирали игуменом, в его «Житии» свидетельствуют не об уже полученном благодатном даре игумена, а о будущем призвании святого [9].

Видения, явленные Неронову, также соотносят «Записку» с житиями святых. Нетрадиционные для большинства агиографических текстов черты в этих видениях – апокалиптические коннотации («Исусъ Христосъ, во священнѣй одежди, препоясанъ по чреслѣхъ, – какъ во Апакалепсисѣ, въ явлении Иоанна Богослова пишеть, – и окрестъ его юноши свѣтлы, бѣлая носяще, множество, и со страхомъ тому предстояще» [с. 349]); грандиозный характер видений и их «вещественность» (Сын Божий за непослушание велит «юношам свѣтлым» бить Неронова «дубцами» [с. 350]).

Апокалиптические мотивы сближают видения из «Записки» с визионерскими мотивами в других раннестарообрядческих текстах; грандиозность видений вообще характерна для визионерства XVII в.; «вещественность» [10], материальность сакрального и, в частности, видений – черта, отличительная для культуры XVII столетия. Наиболее выразительно она проявилась, кажется, в «Житии инока Епифания» [11].

Наконец, весьма интересна такая особенность «Записки», не находящая, кажется, безусловных аналогий в других памятниках раннестарообрядческой книжности, как оппозиция русского и церковнославянского языков, приобретающая семантический

оценочный характер. В противоположность Неронову, обличающему Никона на книжном церковнославянском языке, патриарх дважды отвечает по-русски, причем в обоих случаях ответы демонстрируют несостоятельность его позиции (в первом случае явную, признаваемую, во втором – не признаваемую и проявляющуюся в раздражении и брани).

Случай первый. Григорий произносит пространную речь, начинающуюся: «Кая тебѣ честь, владыко святый, что всякому еси страшенъ и другъ другу грозя глаголют?» – и заканчивающуюся: «Ваше убо святительское дѣло – Христово смирение подражати и его, пречестнаго владыки нашего, святую кротость». В ответ патриарх произносит лишь: «Не могу, батюшко, терпѣти» (с. 343).

Случай второй. В ответ на обличение Нероновым со ссылкой на святого Ефросина Псковского «четверения» аллилуйи Никон бранится: «Вор, де, блядин сынъ Ефросинъ!» Григорий же отвечает ему по-церковнославянски: «Какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщаешъ? Услышит Богъ и смирить тя!» (с. 349).

Подводя итог вышесказанному, можно охарактеризовать «Записку» как памятник книжности, близкий к другим сочинениям раннестарообрядческой словесности и отражающий основные ее тенденции. Вместе с тем, он менее оригинален, чем наиболее индивидуально отмеченные старообрядческие произведения, хотя и не лишен интересных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Демкова Н. С.* «Записка о жизни Ивана Неронова». Комментарии // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 634.

[2] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1874. Т. 1. С. 134–166 (публикация Н. И. Субботина); Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. С. 337–350 (публикация Н. С. Демковой).

[3] «Житие» опубликовано в изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 1. С. 243–305. Об этом памятнике см.: *Понырко Н. В.* Житие Иоанна (Григория) Неронова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. С. 359–361.

[4] Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. С. 337. В дальнейшем «Записка» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.

[5] Соотнесенность с этим «Житием» значима для «Записки»: Иван и его спутники плывут по Белому морю и пристают в конце концов именно к Соловецкому острову; здесь они поклоняются мощам преподобных Зосимы и Сав-

ватия. В этом контексте спасение Неронова и его духовных детей может быть истолковано как совершившееся по молитвам соловецких преподобных.

Описание бурь на море в «Житии» и сказании о чудесах Зосимы и Савватия менее детализировано и психологизировано. Ср.: «**И пріиде бурѧ вѣтренаѧ веліа ѕѣло, и трусъ въ мори великъ, и волны морскыѧ оустремлающесѧ веліи ѕѣло**» (текст Первоначальной редакций «Жития» по классификации С. В. Минеевой. – *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. Тексты. С. 43, л. 286); «**Внезапу же пріиде бурѧ велика на морѣ, мы же в нужи велицѣ сущи, обуреваеми ѿ мно[же]ства волн**» (текст Первоначальной редакции. – Там же. С. 76, л. 307); «**И внезапу дуну вѣтр ѧръ ѿ брѣга, азъ же вострѣпетахъ, еще же къ сему падучаѧ вода** <...> **И восташа волны, и начатъ быти зыбь велика, въ мегновеніи ока толь много ѿплыхъ, ꙗко и брѣга не видѣти**» (т. н. «Ранние чудеса», по классификации С. В. Минеевой. – Там же. С. 418, л. 116 об.–117); «**Пловущимъ же имъ по морю** <...> **ста бурѧ сильна, и воздвиже волненіе велико на мори, претѧше потопленіемъ**» (т. н. «Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. I вариант. – Там же. С. 424, л. 203); «**Внезапу пріиде бурѧ велика на мори, и волны морскіѧ оустремляющеся веліи зѣло** <...>» (тот же текст. – Там же. С. 428, л. 213); «**пріиде на насъ бурѧ вѣтреная велія** <...>» («Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. II вариант. – Там же. С. 458, л. 254).

Единственное совпадение между описанием шторма в «Записке» и в ряде чудес Зосимы и Савватия – сравнение волн с горами, имеющее целью подчеркнуть их грандиозный размер, высоту: «**по такихъ волнахъ, ꙗко по сильныхъ горахъ**» (т. н. «Ранние чудеса», по классификации С. В. Минеевой. – Там же. С. 419, л. 117); «**воздвижесѧ морѣ** морѣ **ѿ зѣльнаго вѣтра, подобно горамъ волны хожаху и лодію покрываху** <...> **Єдиною же внезапу возвысившусѧ волна, аки гора сильная, возъяривсѧ страшно** <...> **но тихо и кротко около лодіи волны, подобны горамъ, восхождаху** <...>» (т. н. «Новосотворенные чудеса» игумена Филиппа. I вариант. – Там же. С. 425, л. 204–204 об.).

[6] См. об этом: *Руди Т. Р.* Средневековая агиографическая топика (принцип imitatio и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отв. ред. д. ф. н. Л. И. Сазонова. М., 2002. С. 40–47.

[7] О соотнесенности Аввакума в его «Житии» с Иисусом Христом см.: *Hunt P.* The Autobioraphy of the Archpriest Avvakum: Structure and Function // Ricerche Slavistiche. 1975–1976. Vol. XXII–XXIII. P. 158, 164–168 ff. О поэтике цитат в «Житии» Аввакума см.: *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1900. С. 301; *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума (1921) // *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М., 1980. С. 9–10; *Герасимова Н. М.* О поэтике цитат в «Житии» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 314–318.

[8] Кирилл Скифопольский называет Савву: «**земный аггелъ и небесный человѣк Сава**» («Житие святаго отца нашего и наставника пустыннаго Савы Освященнаго. Списано бысть Кирилом монахом» // Великие Минеи Четий. Декабрь, дни 1–5. М., 1901. Стб. 515). Именование Феодосия Пе-

черского – «**по истинѣ земльный анг[е]лъ и н[е]б[е]сныи ч[е]л[о]в[ѣ]къ**» (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 88). Эта же агиографическая формула встречается в другом житийном тексте, созданном примерно в одно время с «Житием» Феодосия, – в «Сказании о Борисе и Глебе»: «**вы убо небесьная чловѣка еста, земльная ангела**» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович [Памятники древнерусской литературы. Вып. 2]. Пг., 1916. С. 49–50).

[9] Ср. в славянском переводе жития: «**егда же случашеся ему играти с единоверстными ему отроки и се смотреніемъ Б[о]жіимъ бываше. въсхищьше убо его отроци они в пещеру нѣку идяху. и не поставляху сего царя или воеводу или жениха творяху, яко же нѣкаа многа дѣтемъ обычна суть; но игумена и законоположителя житію иночьскому предлагаху. і бѣша убо дѣти тому повинующеся.** <...> **всяко же предпоказоваше его Б[ог]ъ старѣишину и предстателя многимъ**» (текст жития цитируется по списку Соборника Нила Сорского: *Лённгрен Т. П.* Соборник Нила Сорского. М., 2000. Ч. 1. С. 272–273, л. 139 об.).

[10] См. об этом, в частности, в моей статье «Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI – XVII в. (Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания): проблема жанра» (*Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. М., 1999).

[11] Ср. характеристику визионерства Епифания в кн.: *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 72–73.